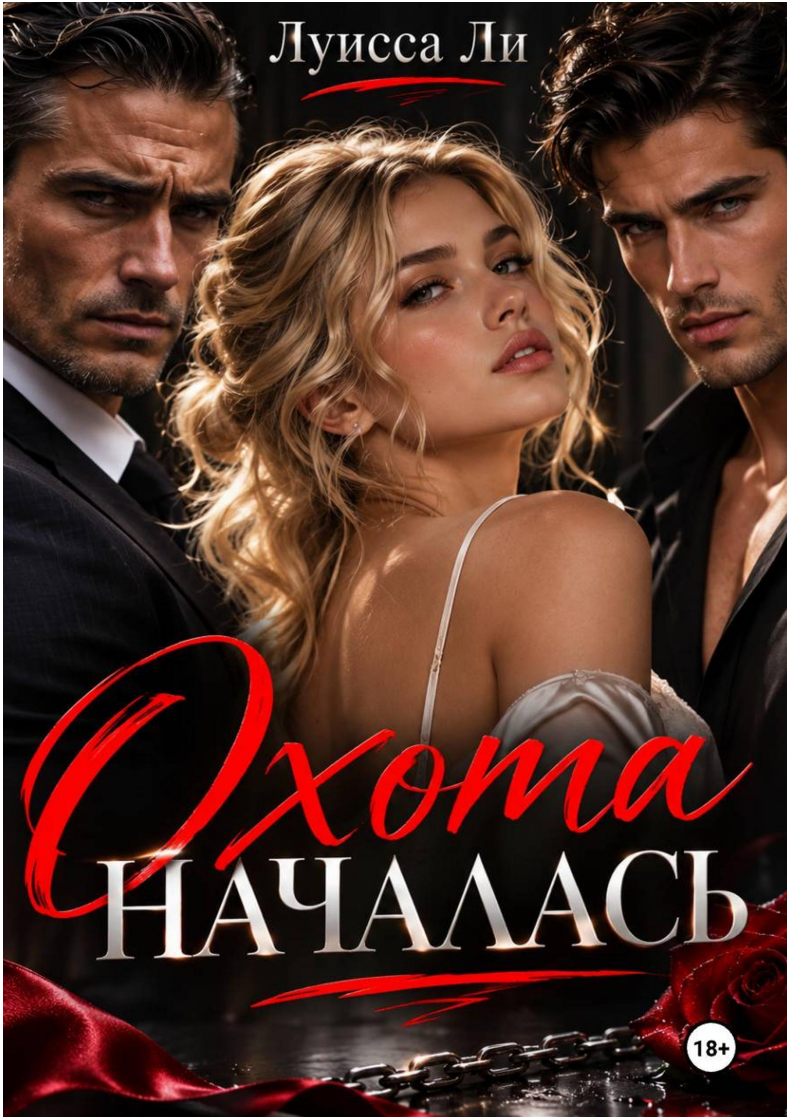

Луисса Ли
Охота
НАЧАЛАСЬ
18+

МегаМегафон МегаМегафон
Охота началась

https://litres.ru/74770759
SelfPub; 2026

Аннотация

Мать продала меня мужчине, который годился мне в отцы. Он привык покупать всё, даже любовь. Но однажды сам стал пленником своих чувств.

А после его смерти появился сын

Он ненавидел меня, жаждал мести и даже не подозревал, что сам попадёт в ловушку.

Ведь охота только началась

Содержание

Глава 1 5
Глава 1. Первое прикосновение 7
Глава 2 11
Глава 3 17
Глава 4 23
Конец ознакомительного фрагмента. 26

МегаМегафон
Охота началась

Охота началась
Луисса Ли

Глава 1

В дверь позвонили.

Я открыла, думая, что кто-то из соседей или следователь — надо же оформлять какие-то бумаги.

На пороге стоял парень.

Высокий, широкоплечий, с такими же холодными глазами, как у Марка. Те же скулы, тот же разрез глаз. Только молодой, лет двадцать пять, и злой. Очень злой.

— Ты — Амалия? — спросил он, хотя ответ уже знал.

— Да, — я отступила на шаг. — А вы...

— Я Артем. Сын Марка.

Он вошел, не спрашивая разрешения. Прошел в гостиную, огляделся. Потом повернулся ко мне.

— Ты, значит, та самая шалава, из-за которой у отца сердце остановилось?

Я попятилась.

— Что? Нет, вы не понимаете...

— Не понимаю? — он шагнул ко мне. — Я приехал на похороны отца. Которого не видел полгода. И что я узнаю? Что последний месяц он жил с какой-то восемнадцатилетней девкой, которую ему подсунули за долги!

— Это было не так!

— А как? — он надвигался на меня, и я пятилась, пока не уперлась спиной в стену. — Расскажи мне, как. Он позво-

нил мне за день до смерти. Сказал, что влюбился. В восемнадцатилетнюю. Ты охренела, да? Решила, что старый дурак — легкая добыча?

— Прекратите! — крикнула я, пытаясь оттолкнуть его. — Я ничего не решала! Я не просила его!

Он ударил кулаком по стене рядом с моей головой. Я вздрогнула и зажмурилась.

— Не просила? А квартиру на каком основании получила? А деньги на счету?

— Я не знала! — закричала я.

— Врешь.

— Не вру, — я открыла глаза. В них стояли слезы. — Я любила его. Не знаю как, не знаю зачем, но любила.

Артем смотрел на меня. В его глазах мелькнуло что-то — сомнение? Боль? — но тут же исчезло.

— Я узнаю, — прошипел он, ставя вторую руку с другой стороны от моей головы. Теперь я была в ловушке — его руки по обе стороны стены, я между ними. — Я все узнаю. Кто ты, откуда, что ты ему подсыпала, чем кормила. Если узнаю, что ты виновата...

— Ударь уже, — вдруг сказала я, глядя ему прямо в глаза. — Бей. Мне всё равно. Без него мне всё равно.

Он замер. Смотрел на меня, и его злость начала сменяться чем-то другим. Растерянностью?

— Ты... — начал он.

Глава 1. Первое прикосновение

Амалия слышала, как хлопнула входная дверь. Голос матери, приторно-сладкий, разлился по прихожей: — Проходи, Марк, она сейчас выйдет. Не стесняйся, чувствуй себя как дома.

«Как дома». Эти слова заставили сердце Амалии забиться быстрее. Сегодня ей исполнилось восемнадцать. И сегодня она впервые увидит своего будущего отчима.

Она еще раз взглянула в зеркало. Легкое белое платье в цветочек, распущенные русые волосы, большие серые глаза, в которых еще жило детское доверие к миру. Мама сказала, что он хороший человек, обеспеченный, и что он сделает их жизнь сказкой. Амалия хотела верить. Ей так не хватало отца, так хотелось, чтобы в доме появился сильный мужчина, который будет их защищать.

Она глубоко вздохнула и вышла в гостиную.

Мужчина стоял у окна, спиной к свету. Высокий, широкоплечий, в идеально сидящем темном костюме. Когда он повернулся, Амалия увидела острые черты лица, тяжелый волевой подбородок и глаза... странные глаза. Они не улыбались, даже когда его губы растянулись в вежливую улыбку. Они смотрели на нее изучающе, как на картину или дорогую вещь.

— Амалия, познакомься, это Марк, — вспорхнула мать,

вставая между ними. — Марк, это моя дочка.

— Очень приятно, — голос у него оказался низким, спокойным. От него веяло холодной уверенностью. Он сделал шаг навстречу.

Амалия смущенно улыбнулась, протянула руку, как учила мама. Но он не пожал ее. Он взял её ладонь в свою — его рука была большой и горячей, контрастируя с прохладой ее пальцев — и слегка наклонился.

А потом случилось то, что разорвало для Амалии реальность на «до» и «после».

Вместо того чтобы просто поцеловать воздух у ее руки, как того требовали правила приличия, он чуть повернул кисть и прижался губами не к пальцам, а к тонкой коже на запястье, туда, где бился голубоватый пульс. Его губы были сухими и обжигающими. Прикосновение длилось секунду, но ей показалось — вечность. Это было слишком интимным, слишком взрослым для простого знакомства с будущим родственником.

Амалия вздрогнула всем телом, будто через эту точку прошел разряд тока. Она инстинктивно дернула руку назад, вырываясь из его хватки, и сделала шаг к матери. В её глазах плескалось недоумение и первая, еще неосознанная тревога.

— Что вы... — выдохнула она, прижимая спасенную руку к груди, словно пытаясь стереть след поцелуя.

Марк не смутился. Его взгляд медленно прошелся по её фигуре, от тонких ключиц до подола платья, и она почув-

ствовала себя раздетой под этим тяжелым, маслянистым взором. Он смотрел на неё не как мужчина на будущую падчерицу. Он смотрел на неё как самец на добычу.

— Прошу прощения, Амалия, — сказал он, и в его тоне не было и намека на извинение. — Вы так похожи на цветок. Нежный, только распустившийся. Я не удержался.

— Мам? — тихо позвала Амалия, ища защиты. Но мать стояла, замерев, и смотрела на Марка с каким-то странным, заискивающим выражением лица. Она не защитила её. Она словно ждала его одобрения.

— Марк такой галантный, дочка, — пробормотала мать, но её голос дрогнул.

— Я принес тебе подарок, — сказал Марк, делая вид, что неловкости не случилось. Он протянул Амалии маленькую бархатную коробочку.

Дрожащими пальцами она открыла её. Там лежало изящное колье с сапфиром, холодно блестевшим в свете люстры. Камень был точь-в-точь цвета её глаз — так ей показалось сначала. Но присмотревшись, она поняла: он такой же глубокий, как омут, и такой же холодный.

— Примерь, — мягко приказал он, делая шаг к ней, заходя за спину.

Амалия хотела отказаться, хотела убежать в свою комнату, запереться и спрятаться от этого мужчины с глазами хищника. Но ноги не слушались. Она стояла, как кролик перед удавом, чувствуя его приближение по холодку, бегущему по

позвоночнику.

Его пальцы — те самые, что только что жгли её запястье — коснулись её шеи, убирая волосы. Она замерла, боясь дышать. Застежка никак не поддавалась, и он возился с ней целую вечность, и каждое его дыхание опаляло её затылок. Когда замочек наконец защелкнулся, он не убрал руки. Он провел подушечками пальцев по её плечам, едва касаясь, от чего по коже побежали мурашки, не имеющие ничего общего с удовольствием. Это было похоже на то, как паук трогает попавшую в сеть муху, проверяя, готова ли она.

— Иди к себе, дочка, — голос матери вырвал её из оцепенения. — Нам с Марком нужно поговорить.

Амалия вылетела в коридор, слыша, как за спиной щелкнул замок двери в гостиную. Она прислонилась к стене в своей комнате, пытаясь отдышаться. На шее холодной тяжестью лежал сапфир. Ей вдруг показалось, что это не колье, а ошейник.

Она наивно думала, что мама привела в дом нового мужа. Она еще не знала, что мать её уже продала. И этот вечер, это первое прикосновение — лишь начало охоты, о которой жертва пока даже не догадывается.

Глава 2
Глава 2. Первая кровь

Утром следующего дня Амалия проснулась с тяжестью на шее. Сапфир. Она забыла его снять. Подошла к зеркалу и посмотрела на себя. Глаза уже не были такими наивными, как вчера. В них поселилась настороженность.

Она сняла колье, положила в коробочку и убрала в ящик. Подарок от человека, от которого по коже бегут мурашки — не подарок, а кабала.

— Амалия! — голос матери звенел из кухни. — Завтракать!

Она вышла и замерла. Марк сидел за их маленьким кухонным столом, как хозяин жизни, в рубашке с закатанными рукавами, и пил кофе из её любимой кружки. Той самой, с единорогом.

— Доброе утро, цветочек, — сказал он, и от этого обращения её передернуло.

— Доброе, — сухо ответила она, села за стол и взяла кружку, которую мать поставила перед ней. Есть не хотелось.

— Сегодня с подружками встречаешься? — спросила мать, пододвигая тарелку с оладьями. — Марк тебя подвезет.

— Нет, — Амалия отрезала кусок оладьи. — Я сама.

— Амалия, — голос матери стал жестче. — Не выдумы-

вай. Марк все равно в центр едет. Не ломай человеку график.

Амалия подняла глаза на Марка. Тот смотрел на неё поверх чашки, и в уголках его губ пряталась улыбка. Он знал, что мать будет на его стороне.

— Хорошо, — неожиданно легко согласилась Амалия. — Пусть подвезет.

Мать удивленно моргнула, но промолчала. А Амалия доела завтрак, чувствуя на себе тяжелый взгляд, и думала о своем. О том, что вчера произошло что-то очень неправильное. И она не собирается быть овечкой на заклание.

✧ ✧ ✧

Его машина пахла кожей и дорогим парфюмом. Амалия села на заднее сиденье, демонстративно отодвинувшись от его кресла.

— Ты чего сзади? — спросил он, поворачиваясь. — Садись вперед, поговорим.

— Мне и здесь нормально, — отрезала она, глядя в окно. — А говорить нам не о чем.

Он усмехнулся, завел мотор. Машина плавно выехала со двора.

Минуту они ехали молча. Потом он включил музыку — какой-то джаз, тягучий и томный.

— Как тебе вчерашний вечер? — спросил он, глядя на неё в зеркало заднего вида. — Не испугалась?

— Чего мне пугаться? — Амалия скрестила руки на груди. — Взрослый дядя проявил внимание. Спасибо, конечно,

но лишнее.

— Восемнадцать лет — уже не ребенок, — заметил он. — Взрослая девушка.

— Ага, — кивнула она. — Поэтому в детский сад уже не хожу и с незнакомыми мужчинами в машинах не заигрываю.

Он хмыкнул, но ничего не сказал. Еще несколько минут тишины. Они въехали в центр, и Амалия увидела впереди площадь, где они договорились встретиться с подругами.

— Остановите здесь, — сказала она.

Он не остановил. Проехал еще метров пятьдесят и припарковался у тротуара, но блокировку дверей не снял.

— Амалия, — повернулся он к ней, положив руку на подголовник переднего сиденья. — Мы не договорили.

— Мы вообще не начинали, — она дернула ручку двери. Бесполезно. — Откройте.

— Я хочу, чтобы мы подружились, — сказал он мягко, но в этой мягкости звенела сталь. — Твоя мама хорошая женщина. Я буду приходить к вам. Часто. И мне не хотелось бы, чтобы ты дичилась.

Амалия медленно перевела взгляд с двери на него. Посмотрела прямо в эти холодные глаза, которые вчера раздевали её взглядом.

— Хорошо, — сказала она ровно. — Раз вы хотите поговорить — поговорим.

Она откинулась на спинку сиденья, и вся её расслабленность была напускной. Внутри всё кипело.

— Не думайте, что я не поняла, что произошло вчера дома, — начала она, чеканя каждое слово. — Я не дурочка. И не наивная девочка, какой вы меня, видимо, представили.

Он молчал, с интересом наблюдая.

— Поэтому слушайте внимательно, — продолжила она. — Держитесь от меня подальше. Я сначала, дура, подумала, что мы могли бы нормально общаться. В конце концов, вы с мамой... — она запнулась, но взяла себя в руки. — Но сейчас я поняла: это невозможно. Даже не надо со мной любезничать. Если увидите меня на улице — даже не здоровайтесь. Можете делать вид, что мы не знакомы. Мне так спокойнее.

Она снова дернула ручку. — А теперь откройте дверь. Меня подруги ждут.

Щелчка не последовало.

В следующую секунду мир перевернулся. Его рука — стальная, быстрая — схватила её за локоть и дернула вперед. Амалия вскрикнула, ударившись коленкой о спинку переднего сиденья, и оказалась в миллиметре от его лица.

Он держал её за ворот куртки, притянув так близко, что она чувствовала его дыхание на своих губах. Запах кофе и дорогого табака. Глаза — темные, бездонные, с расширенными зрачками хищника.

— Девочка, — выдохнул он ей в губы почти ласково. — Не указывай мне, что и как делать.

Амалия замерла. Слова застряли в горле острым комком. Она видела каждую пору его кожи, каждую ресницу, кро-

шечный шрам у брови. И видела в его глазах что-то такое, от чего внутри всё оборвалось. Не злость. Не похоть. Абсолютная, ледяная власть. Он не угрожал. Он просто констатировал факт: она — в его власти.

— Ты не знаешь, с кем говоришь, — прошептал он. — Но узнаешь.

Он держал её ровно столько, чтобы она прочувствовала каждую секунду этой бесконечной близости. А потом разжал пальцы и отвернулся к рулю.

Щелкнул замок двери.

— Иди.

Амалия вывалилась из машины, как кукла, ноги не слушались. Она сделала несколько шагов по тротуару, слыша, как за спиной взревел мотор. Только когда машина скрылась за поворотом, она смогла вдохнуть полной грудью.

Руки тряслись. В горле стоял ком.

— Я все маме расскажу, — прошептала она вслух, но голос прозвучал жалко и тонко. Она сама не поверила своим словам. Расскажет? А что расскажет? Что её будущий отчим слишком близко смотрит? Что мать странно себя ведет?

Она достала телефон. Набрала маму.

— Мам, привет. Скажи... — она запнулась. — Скажи, а Марк надолго к нам?

— А что такое, доча? — голос матери звучал встревоженно. — Вы поссорились?

— Нет. Просто спросила.

— Он будет часто приходить, — после паузы ответила мать. — Мы... мы хотим попробовать пожить вместе. Скоро он вообще переедет. А что?

— Ничего, — Амалия нажала отбой.

Она посмотрела на небо. Солнце светило ярко, но внутри неё поселился холод. Мать не просто привела мужика в дом. Мать привела в их жизнь хищника. И теперь этот хищник положил глаз на неё.

— Девчонки, я сегодня не приду, — написала она в общий чат. — Чувствую себя хреново. Завтра увидимся.

Она развернулась и пошла не к остановке, а в парк. Надо было подумать. Понять, что делать. И главное — понять, почему мать смотрела на него вчера не как женщина на мужчину, а как должник на кредитора.

Что-то здесь было не так. И Амалия решила: она узнает правду. Чего бы это ни стоило.

К вечеру, когда она вернулась домой, матери не было. На столе лежала записка: «Я у Марка, буду завтра. Не скучай. Целую».

Амалия скомкала бумажку и выбросила в ведро. Прошла в свою комнату, достала из ящика колье с сапфиром. Посмотрела на холодный камень, на то, как он переливается в свете настольной лампы.

— Посмотрим, кто кого, — сказала она камню. — Посмотрим.

Глава 3
Глава 3. Охотник

Марк не любил суету. Он любил, когда всё идет по плану. А план с Амалией с самого начала был идеальным.

Он отъехал от места, где высадил девчонку, и остановился у первого же супермаркета. Глубоко затянулся сигаретой, хотя бросил курить полгода назад. Руки чуть подрагивали — первый раз за последние пять лет.

— Черт, — выдохнул он дым в открытое окно.

Она не просто понравилась ему. Она зацепила его. С первого взгляда на ту фотографию, которую трясущимися руками протянула ему её мать в том прокуренном кабинете, где они обсуждали долг.

Неделей ранее

— Марк Викторович, я вас умоляю, дайте еще неделю, — Людмила, мать Амалии, стояла перед ним, ломая руки. Сорокапятилетняя женщина, еще не старая, но уже выпившая всю свою красоту до дна. Долг в полтора миллиона — для неё смерть. Для него — мелочь.

— Ты мне уже должна два месяца, Люда, — сказал он тогда, крутя в пальцах ручку. — Я не благотворительная организация.

— Я всё отдам, я найду...

— Чем ты отдашь? — перебил он. — Ты работаешь в салоне за тридцать тысяч. У тебя ничего нет. Даже квартира не твоя — съемная.

Она заплакала. Марк ненавидел женские слезы. Слабые люди думают, что слезы могут разжалобить. Сильных людей они бесят.

— Перестань, — бросил он. — Слезами не поможешь.

И тут она подняла глаза. В них мелькнуло что-то странное. Обреченность пополам с расчетом.

— У меня есть дочь, — тихо сказала Людмила. — Ей на днях восемнадцать.

Марк замер.

— И что?

— Она... она красивая. Очень. Я покажу фото. Если вы...

Людмила замолчала, не решаясь договорить. Но Марк понял. Он всегда всё понимал быстро. В его мире такие сделки были не редкостью.

— Покажи.

Дрожащими руками она достала телефон. На экране появилась девушка. Светлые волосы, большие серые глаза, тонкая шея. Она смеялась в камеру, держа в руках мороженое. Совсем ребенок. Чистый. Не тронутый.

Марк смотрел на фото и чувствовал, как внутри поднимается что-то первобытное. Не похоть даже — азарт. Охотничий азарт. Такие, как она, не смотрят на таких, как он. Они шарахаются, боятся, бегут. А он любил ломать. Не руками

— головой. Любил, когда они сначала ненавидят, а потом... потом сами приходят.

— Она согласится? — спросил он, не отрывая взгляда от фото.

— Нет, — честно призналась Людмила. — Она не такая. Она... она не поймет. Мне нужно время. Она подумает, что я просто встретила мужчину.

Марк откинулся в кресле и рассмеялся. Сухо, без веселья.

— Ты предлагаешь мне изображать жениха, чтобы я трахнул твою дочь?

Людмила побелела, но не отвела глаз. Она уже переступила черту, и обратной дороги не было.

— Я хочу, чтобы вы... чтобы она привыкла. Чтобы вы понравились ей. А потом... она же девушка, влюбится, и всё будет хорошо.

— А если нет?

— Будет, — твердо сказала мать. — Вы умеете.

Марк снова посмотрел на фото. На эту чистую, наивную улыбку. На глаза, которые еще ничего не знают о мире.

— Я подумаю, — сказал он. — Иди.

А через три дня он позвонил сам: — Привези документы на квартиру. Долг твой я закрываю. Но теперь ты должна мне кое-что другое.

Настоящее время

Марк выбросил сигарету и завел мотор. Надо было ехать по делам, но мысли возвращались к ней. К тому, как она дер-

нулась, когда он поцеловал её запястье. Как расширились её зрачки. Как она потом смотрела на него за завтраком — волчонком, готовая кусаться.

Он думал, что будет легко. Что напуганная мать приведет напуганную дочь, и та будет прятаться по углам. А эта... эта оказалась с характером.

— Не думайте, что я не поняла, что произошло дома, — вспомнил он её слова. Четко, холодно, с достоинством.

Это заводило еще сильнее.

Он вспомнил, как дернул её к себе. Запах её волос — яблоки и корица. Как её губы дрожали в миллиметре от его губ. Испуганные глаза, в которых боролись страх и ярость. И этот момент, когда она перестала дышать — он почувствовал это кожей.

Он мог бы поцеловать её. Мог бы сделать всё что угодно — она была в его власти. Но нет. Таких, как она, берут не силой. Таких завоевывают. Ломают. А потом они сами падают в руки.

— Ты не знаешь, с кем говоришь, — прошептал он ей тогда.

Она не знала. Но узнает.

Марк усмехнулся и набрал номер Людмилы.

— Люда, привет. Я завтра приеду. Вещи привезу немного. Поживу у вас.

— Прямо завтра? — голос матери дрогнул. — А Амалия...

— А что Амалия? — перебил он. — Мы уже почти подру-

жились. Кстати, она просила тебя мне что-нибудь передать?

— Нет, а что?

— Да так. Поговорили по душам. Характер у неё, конечно... — он сделал паузу. — Ничего, выправим.

Он нажал отбой и посмотрел на себя в зеркало заднего вида. Сорок семь лет. Седина на висках. Шрам над бровью — память о девяностых. Глаза, которые видели столько дерьма, что хватило бы на десять жизней.

И эта девочка с яблочным запахом думает, что сможет им командовать.

Вечером второго дня он приехал к ним с двумя сумками. Людмила суетилась, накрывала на стол. Амалии не было — сидела в своей комнате.

— Амалия, выходи, Марк приехал! — позвала мать.

Тишина. Потом щелчок замка. Она вышла — переодетая в домашнее, волосы собраны в хвост. Взглянула на него холодно, как на пустое место.

— Здравствуйте, — кивнула сухо и села за стол как можно дальше от него.

— Привет, цветочек, — улыбнулся он. — Не скучала?

— Очень, — отрезала она, ковыряя вилкой салат. — Прямо жить без вас не могла.

Людмила замерла с чайником в руках, переводя взгляд с одного на другую.

— Вы поссорились?

— Нет, мам, — Амалия подняла глаза на Марка. В них го-

рел вызов. — Мы просто нашли общий язык. Правда, Марк?

Он смотрел на неё и чувствовал, как внутри разгорается огонь. Волчонок показывает зубы. Хорошо. Тем слаще будет победа.

— Правда, — кивнул он. — Отличный язычок. Острый.

Она поняла двусмысленность, вспыхнула и уткнулась в тарелку. А он откинулся на стуле, допил чай и подумал: «Игра началась, девочка. И ты её уже проиграла. Просто ещё не знаешь об этом».

Ночью, лёгши в гостиной на разложенном диване (Людмила спала в своей комнате, нервно приняв валерьянку), Марк слышал, как Амалия ходит по своей комнате. Туда-сюда. Туда-сюда. Думает. Переживает. Злится.

Он улыбнулся в темноте и закрыл глаза.

Пусть думает. Пусть злится. Это только приближает тот момент, когда она перестанет бороться.

Глава 4
Глава 4. Мокрая майка

Амалия лежала в своей комнате и смотрела в потолок. За стеной было тихо — мать ушла на ночную смену в салон, она только утром возвращается. Амалия слышала, как хлопнула дверь, как щелкнул замок. И сразу же напряглась.

Он остался.

Марк спал в гостиной на разложенном диване. Амалия специально ждала, пока всё стихнет. Прислушивалась к каждому шороху. Часа через два ей показалось, что он заснул — дыхание стало ровным, глубоким.

В комнате было душно. Лето, старые окна, пластик не пропускает воздух. Она вся взмокла, майка прилипала к телу. Надо было сходить в душ, пока он спит.

Она приоткрыла дверь. В коридоре темно, только из гостиной пробивается слабый свет — он оставил торшер. Амалия на цыпочках прокралась в ванную, щелкнула замком и выдохнула.

Вода была прохладной, почти холодной. Она стояла под струями, закрыв глаза, и думала о том, что делать дальше. Уйти нельзя — некуда. Терпеть — невозможно. Осталось одно: узнать правду. Понять, почему мать так странно себя ведет, почему смотрит на Марка как на хозяина.

Она выключила воду, потянулась за полотенцем...

И замерла.

Полотенце висело на крючке снаружи. Она забыла его взять.

— Черт, — прошептала она.

Выходить мокрой было глупо. Но ещё глупее — сидеть в ванной всю ночь. Она выжала волосы руками, насколько могла, натянула мокрые шорты, надела ту же майку — та противно прилипла к телу, став почти прозрачной. Ладно, думала она, он спит. Я быстро добегу до комнаты.

Она приоткрыла дверь.

Он стоял там.

Прислонившись плечом к косяку, скрестив руки на груди. В одних домашних штанах, босиком. Торшер из гостиной выхватывал из темноты его торс — широкие плечи, жесткие мышцы, шрамы на ребрах. Глаза блестели в полумраке.

Он не спал. Он ждал.

— Охренеть, — выдохнула Амалия и закатила глаза так выразительно, что даже в темноте было видно. — Серьезно?

Она попыталась проскочить мимо него, прижимаясь к стене, но его рука уперлась в противоположную стену, перегородив проход. Она оказалась в ловушке — между его телом и дверью ванной.

— Пусти, — голос ее звучал ровно, хотя сердце колотилось где-то в горле.

Он молчал. Просто смотрел.

Она чувствовала его взгляд на себе — на мокрых волосах, с которых капало на майку, на тонкой ткани, облепившей грудь, на голых ногах. Его ноздри чуть расширились, но лицо оставалось спокойным.

— Я кому сказала? — она попыталась оттолкнуть его руку. Бесполезно. Как бетонную стену толкать.

— Ты мокрая, — сказал он. Голос низкий, хрипловатый. — Простудишься.

— Отойдите, — процедила она сквозь зубы.

— Не отойду.

Амалия глубоко вздохнула, собираясь с силами. Она подняла голову и посмотрела ему прямо в глаза. Волосы упали на лицо мокрыми прядями, вода стекала по шее, по ключицам, исчезая за вырезом майки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.